DOI: 10.31857/S241377150012296-8

О художественной структуре наброска А. С. Пушкина “Сын казненного стрельца”

© 2020 г. О. Б. Заславский

Доктор физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник Харьковского национального
университета имени В. Н. Каразина,
Украина, 61022, г. Харьков, площадь Свободы, д. 4
zaslav@ukr.net

Дата поступления материала в редакцию 28 апреля 2020 г.

Дата публикации: 31 октября 2020 г.

Резюме. Обсуждается набросок плана пушкинского произведения, известный под условным названием “Сын казненного стрельца”. Показано, что есть основания рассматривать его как самостоятельный миниатюрный текст, обладающий собственной художественной структурой. Ее анализ позволяет продвинуться в изучении идейной структуры ненаписанного произведения, планом которого является набросок. Ключевыми структурными элементами являются наличие архетипической схемы, основанной на библейском сюжете о Каине и Авеле, а также присутствие мотива деидентификации как в личном, так и социальном отношении. Это касается потенциального отказа Петра I от царского статуса во время Прутского похода, а также обмена участю между названными братьями. Соответственно, восстановление царской милости по отношению к приемной семье стрелецкого сына, вероятно, включало бы его потенциальное согласие на обратный обмен участю. В результате выявляется мифологический пласт замысла, связанный с категориями нарушения и восстановления порядка. Обнаружены анаграмматические построения, особенно заметные на фоне малого объема текста.

Ключевые слова: реконструкция сюжета, мотивная структура, архетипы.

Для цитирования: Заславский О.Б. О художественной структуре наброска А.С. Пушкина “Сын казненного стрельца” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 41–50. DOI: 10.31857/S241377150012296-8.

On Artistic Structure of A. S. Pushkin’s “The Son of an Executed Strelets”

© 2020 Oleg B. Zaslavskii

Doct. Sci. in Physics and Mathematics,
Leading Researcher at the V.N. Karazin
Kharkov National University,
4 Svobody Square, Kharkiv, 61022, Ukraine
zaslav@ukr.net

Received by Editor on April 28, 2020

Date of publication October 31, 2020

Abstract. The article discusses Pushkin's drafted outline of the poem tentatively known as "The son of an executed strelets". We believe that there are reasons to consider it as a miniature text having its own artistic structure. Our analysis enables us to approach the conceptual structure of an outlined work, which was conceived by Pushkin but was not put into writing. We offer a hypothetical reconstruction of important elements of the plot. The key structural elements echo the Cain and Abel archetypal scheme from the Bible; besides, the motif of deidentification, on personal and social plane, must be taken into account. We mean a potential renunciation of a tsar status by Peter I during the Prut campaign and, also, an exchange of destinies between two unrelated family members (a widow's son and an adopted son). Correspondingly, the tsar's mercy shown towards a foster family of the strelets' son might mean another exchange of destinies. There we have a mythological dimension of the poem, connected with categories of order and its violation. We also point out some anagrammatic constructions, which stand out thanks to the text's brevity.

Key words: reconstruction of plot, motif structure, archetype.

For citation: Zaslavskii, O.B. *O khudozhestvennoi strukture nabroska A.S. Pushkina "Syn kazniennogo streletca"* [On Artistic Structure of A.S. Pushkin's "The Son of an Executed Strelets"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 5, pp. 41–50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150012296-8.

Среди нереализованных планов Пушкина есть запись:

“Сын казненн.<ого> стрельца воспитан вдовою вместе с ее сыном и дочерью; он идет в службу вместо ее сына. При Пруте ему П.<етр> поручает свое письмо. —

Приказч.<ик> вдовы доносит на своего молодого барина, который лишен имения своего, и отдан в солдаты. Стрел.<ецкий сын> посещает его семейство и у П.<етра> выпрашивает прощение молодому <барину>” [1, с. 431].

Этот набросок входит в группу из пяти записей, которые приведены в большом академическом собрании сочинений под условным редакционным заголовком “Планы повести о стрельце” [1, с. 430–431]. Однако историческая приуроченность событий в предполагавшейся повести и в данном наброске к разным эпохам послужила для В.Б. Томашевского основанием считать, что этот набросок “не имеет отношения к замыслу, с которым связаны первые четыре плана” [2, с. 552]. Это мнение было поддержано В.С. Листовым [3], который дал содержательный исторический комментарий к повести, указал на некоторые фабульные и идейные связи этого наброска с другими пушкинскими произведениями и обсудил возможные пути дальнейшего развития сюжета.

В данной работе мы постараемся показать, что уже имеющийся текст сам по себе представляет художественный текст в миниатюре, который по отношению к задуманному, но не написанному произведению (повести или роману) является его реализацией в свернутом виде, своего рода “макетом” невозведенного

“здания”. Несмотря на предельную краткость записи, в ней, как мы увидим, выявляются значимые структурные отношения, причем двух родов. С одной стороны, здесь присутствует парафраз универсальной библейской истории, сопоставление с которой позволяет (хотя бы в весьма общем виде) указать на контуры общего замысла. С другой стороны, во внутренней структуре наброска выявляются смысловые связи, являющиеся разными реализациями одного и того же основного мотива. При этом в небольшом прозаическом наброске обнаруживаются в том числе звуковые переключки. Как семантические, так и звуковые связи устанавливают внутри наброска набор эквивалентностей, приводя в результате к еще одному примеру поэтических принципов построения пушкинской прозы, примеры чего неоднократно отмечались и ранее (см., например: [4]).

Поскольку, как мы собираемся показать это ниже, самый текст данного наброска представляет собой замкнутое художественное целое (своего рода мини-шедевр), это служит еще одним аргументом, что данный отрывок — самостоятельное произведение и не должен смешиваться с другими “Планами повести о стрельце”. Тем самым точка зрения Томашевского и Листова получает подтверждение с несколько неожиданной стороны.

Проблема идентификации

В наброске упоминается письмо, которое Петр поручил доставить герою во время Прутского похода. Источником сведений об этом письме является сочинение Я. Штелина [5].

Мы отсылаем читателя за подробностями к работе В.С. Листова [3], а здесь приведем лишь сведения, имеющие прямое отношение к предмету нашей статьи. Согласно изложению Штелина, царь требовал в случае пленения его турками не рассматривать себя как царя и, вплоть до его возвращения, игнорировать любые приказания за его подписью. Другими словами, Петр отказывался от своего царского статуса — и тем самым *терял свою идентичность*.

В обсуждаемом эпизоде проявил себя в трансформированном виде и мотив самозванства, причем весьма своеобразно. Обычный самозванец, не будучи царем, обманом присваивает себе царские функции. Петр же в гипотетической ситуации пленения, описанной в письме, на самом деле утратил бы царский статус по собственной инициативе. Но если посмотреть на эту ситуацию глазами турок (которых Петр тем самым одурачил бы), он для них оставался бы царем. Тем самым Петр по отношению к туркам оказался бы самозванцем, но только обман состоял бы не в присвоении себе царской власти, а в ее тайной утрате. Ранее Листов уже отмечал значимость в произведении мотива самозванства: “ситуация осложнена еще и самозванством стрелецкого сироты. Он носит имя и фамилию родного брата своей невесты” [3, с. 330]. Теперь мы видим, что посредством мотива деидентификации это важное обстоятельство можно естественным образом сопоставить с ситуацией вокруг письма Петра.

Уже изначально главный герой вынужден был скрывать свое подлинное происхождение, поскольку укрывать детей казненных стрельцов строго запрещалось под страхом наказания (см.: [3]). Здесь проявляет себя один из центральных мотивов произведения, который должен был проявить себя и в эпизоде с письмом Петра, — речь идет о проблеме нарушенной идентичности. Причем нарушение, связанное с ее сокрытием главным героем, далее только нарастало. Он идет служить за своего названного брата, тем самым представляясь чужим именем. Как замечает Листов, “сын казненного стрельца, человек неблагородного сословия, незаконно обретает дворянское достоинство, что помогает ему получить офицерский чин. Молодые люди как бы меняются жребиями: раньше сирота скрывал свое стрелецкое происхождение, теперь скрываться должен недоросль” [3, с. 315]. Что

касается сына стрельца, то здесь нарушение идентификации даже двойное — и с дворянством, и с чином. А параллельно деидентификация затрагивает и дворянского недоросля, который вынужден скрываться и не использовать свое настоящее имя.

История и поэтика

Упомянутое Штелиным письмо, скорее всего, было мистификацией, и уже Пушкин серьезно сомневался в его существовании; это мнение разделяется и историками [3, с. 316–317]. Однако это ничуть не мешало Пушкину включить его упоминание в ткань художественного повествования. Как подчеркивает в этой связи Листов, «когда того требовала логика сочинения, Пушкин без колебаний отступал от “низких истин” строго документальной истории» [3, с. 317]. Мы полагаем, что в данном случае было нечто большее. Пушкин, по-видимому, почувствовал, что эпизод, рассказанный Штелиным, имел двойную структуру: мистификация, связанная с содержанием письма о подрыве царского статуса, наложилась на мистификацию с выдумкой о самом этом письме. Благодаря такому структурному соответствию исторический вымысел удачно вписался в поэтику.

Как обнаружил Листов [3, с. 320–322], само сочетание “сын казненного стрельца” восходит к И.И. Голикову (см.: [6, с. 193]). Но почему же это сочетание обратило на себя внимание Пушкина? Листов предполагает, что “в судьбе безымянного полковника проглядывают характерные черты эпохи” [3, с. 322], интересовавшей Пушкина. С нашей же точки зрения, тут можно (как увидим ниже) указать на факторы, непосредственно связанные с поэтикой. Голиков приводит анекдот. Князь Долгоруков, отвечавший за снабжение армии, из-за нехватки прислал для мундиров в полк Меншикова синее сукно вместо зеленого. Тот решил, что это — новый знак отличия, и обиделся, когда через некоторое время вновь стало поступать зеленое сукно. Ясно, что и здесь выплыла проблема идентификации (какой цвет мундиров адекватно указывает на принадлежность к данному полку). Меншиков отправил полковника к Долгорукову, чтобы выяснить недоразумение. При выполнении своей миссии этот полковник спутал слова “колер” и “калибр”. В ответ Долгоруков назвал посланца глупцом и прибавил: “Да и тот таков же, кто тебя в полковники произвел”. В этой фразе Долгоруков имел в виду Меншикова, однако

Меншиков (когда посланец передал ему эти слова Долгорукова) понял это так, что Долгоруков обидел государя. То есть и здесь произошла путаница с идентичностью. А кроме того, этот полковник был сыном казненного стрельца, что скрывал. Все это может служить объяснением, почему же анекдот с сочетанием “сын казненного стрельца” привлек внимание Пушкина и послужил одним из толчков к созданию его собственного замысла. Дело в *тройном нарушении идентичности*, причем произошедшем на разных уровнях текста или его предыстории (путаница в словах, путаница в коммуникации, утаенное происхождение). Именно этот мотив и перешел в замысел Пушкина — как один из его главных структурных факторов.

Приведенные выше соображения по поводу эпизодов из двух разных источников (Штелина и Голикова) показывают, что интерес Пушкина к тем или иным историческим событиям (реальным или вымышленным) мог быть обусловлен не только чисто историческими факторами. Не меньшую роль могла играть чувствительность Пушкина к потенциальным структурным возможностям источников, которые позволяли превращать их в элементы художественного текста. История оказывалась не только кладезем тем, но и структурным резервом для новых произведений.

Библейская схема и общие контуры сюжета

Оказывается, что в сюжете наброска просматривается библейская история. Этот сюжет, в общих чертах, может быть обрисован следующим образом. В произведении действуют два брата. (Будем для краткости использовать обозначения СКС для сына казненного стрельца и СВ для родного сына вдовы.) Один из них сослужил службу верховному правителю и заслужил его доверие, другой — показал себя по отношению к нему и его власти отрицательным образом. Соответственно, один из них оказался в фаворе, другой подвергнут наказанию. Но это — не что иное как вариант истории о Каине и Авеле! То обстоятельство, что братья — не родные, несколько затеняет это обстоятельство, которое иначе было бы слишком выпячено. Ранее Пушкин уже использовал архетипическую схему с Каином и Авелем в “Моцарте и Сальери” (см.: [7], [8], [9]).

В отличие от “Моцарта и Сальери” и самого библейского сюжета, здесь не происходит убийства. Ни малейших оснований для вражды СВ по отношению к СКС (а тем более для

желания убийства) просто нет. Более того, названный брат сначала один раз выступил в роли “спасителя”, вызвавшись пойти на военную службу вместо родного сына вдовы, а потом повторяет свою спасительную миссию заступничеством перед царем. На первый взгляд, все это вызывает трудности для интерпретации пушкинского замысла в терминах указанного библейского сюжета, поскольку в том сюжете братоубийство — ключевой пункт.

Однако, если вдуматься, аналогия с библейским мифом все же здесь проявляет себя, хотя и не столь буквально. Ведь в результате подмены один из братьев идет на военную службу, где рискует быть убитым, в то время как другой “отсиживается”, пользуясь жизненными благами. (Причем риск СКС является не только общим свойством военной службы. Он участвовал в Прутском походе, где с опасностью для жизни выполнил поручение Петра. Кроме того, как аргументированно показал Листов, вполне вероятно, что СКС участвовал и в Полтавском сражении [3, с. 326–327].)

Помимо такого непосредственного сопоставления братьев с Каином и Авелем, также возможно и косвенное. Ведь между братьями есть *структурная несовместимость*, типичная для двойников. Сначала один из них (СВ) устраивает свою судьбу за счет другого (СКС). Потом, наоборот, СКС идет на серьезный риск своим положением, чтобы добиться царской милости для СВ.

Присутствие скрытой в тексте универсальной схемы позволяет, сопоставив ее и текст наброска, сделать следующий шаг и предложить хотя бы гипотетически реконструкцию одного (но зато ключевого) хода сюжета. Не претендуя на точную реконструкцию единственно правильного варианта (что невозможно; не исключено, что и у Пушкина ко времени составления наброска не было еще решения), мы тем не менее очертим круг из нескольких возможных вариантов.

Любая попытка СКС добиться милости Петра в отношении СВ с неизбежностью должна натолкнуться на следующую проблему. Если СКС решает рассказать царю всю правду (а иначе добиться ничего нельзя, дальнейшим утаиванием можно только навредить), то ему придется открыть и свой собственный обман “со всеми вытекающими отсюда последствиями” [3, с. 330]. И тогда выяснится, что братья обменялись жребиями: один стал дворянином и служит под именем другого, подлинный же

носитель имени уклонялся от службы, т.е. пошел против уложений власти и попал теперь в ее немилость (как раньше это было с СКС).

Не беремся гадать, что именно сказал бы пушкинский Петр в ответ на откровенность СКС и его просьбу к царю проявить милость в такой ситуации. Но есть общая логика сюжетной схемы. *Коль скоро нарушение порядка состояло в обмене ролей, то его восстановление состояло бы в обратном обмене участью.* Другими словами, речь шла бы о том, что СКС должен стать солдатом, и тогда СВ получил бы офицерский статус, как и положено дворянину.

Здесь возникает в свою очередь два основных варианта. В первом случае Петр мог бы предложить СКС самому решить, согласен ли он добиться милости такой ценой. И тогда сюжет мог бы остаться открытым, что характерно для пушкинских произведений; текст оставил бы СКС в состоянии перед выбором. Второй вариант предполагал бы, что СКС сам внес бы такое предложение с самого начала, проявив готовность пойти на жертву.

Учитывая предельную лаконичность пушкинской прозы, можно думать, что практическая реализация любого из этих вариантов осталась бы “за кадром” и не была бы непосредственно изображена в тексте. Также вполне вероятно, что пушкинский Петр проявил бы широту души и в конечном счете простил проступки обоих братьев без дополнительных условий. Однако, на наш взгляд, сам мотив обратного обмена участью должен был бы по крайней мере прозвучать в произведении — хотя бы как нереализованный ход.

Удвоение библейской схемы

Еще один аспект проблемы (де)идентификации в произведении связан с моральным обоснованием подмены. Ее можно кратко обозначить как “человек во враждебном (по крайней мере недружественном) окружении”, что и вынуждает его идти на подмену и собственную деидентификацию. В случае потенциальной реакции царя на пленение ситуация очевидна. Но такой эпизод высвечивал неправильности и в том положении, в котором очутился сын стрельца. Сама коллизия с подменой возникла там из-за чрезмерно жестоких действий власти (по отношению к потомкам стрельцов, их укрывателям и дворянским недорослям [3]). Более тонкий момент состоит в том, что сопоставление двух подмен (царя и дворянского призывника) высвечивает

существенную неправильность и в отношении приемной семьи к главному герою, поскольку его жертва была принята. Тем самым отношение приемной семьи и героя оказывается неоднозначным: она приютила его, но в то же время проявила и свойства “враждебного окружения”, которое косвенно вынудило его пойти на формально серьезное преступление. Заодно при этом приемная семья некорректным образом поступила с СКС, сделав невозможным его брак с дочерью вдовы [3, с. 330].

Указанные обстоятельства имеют и структурные следствия. Они заставляют существенно уточнить значимость библейской схемы в произведении. Сначала мы описали ее таким образом, что Богу соответствовал Петр, а братьям — два сына (родной и приемный). При этом по эффективности своей “жертвы” и общей благосклонности со стороны “бога” сын стрельца соответствовал Авелю. Родной же сын вдовы как объект наказания со стороны власти соответствовал Каину. Но в определенной степени эта же схема работает и внутри семьи. Тогда роль верховного властителя, принимающего решения, играет уже сама вдова. А роль братьев оказывается инвертированной. Авелю (как получателю благ) соответствует родной сын вдовы, тогда как Каину (как объекту наказания) — сын стрельца.

Таким образом, даже реализация библейской схемы оказывается в произведении неоднозначной! Вообще говоря, в тех случаях, когда те или иные ситуации в пушкинских произведениях имеют аналогии в претекстах, эти аналогии могут быть существенно неоднозначными. Так, в “Выстреле” значимо сопоставление с “Вильгельмом Теллем” [10]. Однако оно осуществляется таким образом, что как Сильвио, так и граф соответствуют разным персонажам, в том числе врагам — наместнику и Теллю (и даже его сыну) [11]. В “Станционном смотрителе” претекстом является Сказка о Красной шапочке; при этом и Минский, и смотритель (каждый из них) соответствуют то Волку, то Красной шапочке [12]. Теперь мы сталкиваемся с этим же явлением в данном наброске. Причем здесь содержательность такого “приема” заключается в том, что в нем реализуется как раз проблема деидентификации персонажей, делающая однозначные отождествления невозможными.

Мифологический субстрат

Согласно письму, написанному в походе, в случае острой необходимости (возникшей

бы при пленении) страна бы временно оставалась без царя. А в крайнем случае царь бы вообще поменялся: “Если ж я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите достойнейшего из вас моим преемником” [5, с. 63]. Сопоставим теперь эти гипотетические события с тем, что произошло в малом мире, мире семьи героев. Согласно указам Петра, за донос полагалось имение передать доносчику [3, с. 317]. Тем самым в “микром мире” семьи должно было произойти событие, аналогичное тому, что угрожало произойти в “макром мире” страны, — смена хозяина / верховного властителя. С другой стороны, царская милость могла бы вернуть имение его подлинным исконным владельцам, т.е. вдове и ее родному сыну.

Все это придает сюжету отчетливую мифологическую составляющую. *Происходит временное нарушение порядка, подлинный властитель уходит или устраняется. Однако затем происходит (или появляется как возможность) восстановление нарушенного порядка.*

В указанном отношении данное произведение аналогично поэме “Анджело”, где также присутствует аналогичный мифологический пласт [13].

Наличие двух структурных уровней, на которых происходят (или остаются как нереализованные, но значимые потенциальные возможности) указанные выше трансформации — в стране в целом и в семействе вдовы, включая как отношения братьев, так и ситуацию с имением, — дублируется удвоением самой схемы “первотекста” (история о Каине и Авеле), с которой соотносится произведение.

Царь и нарушитель

Исследователями не раз уже обсуждались параллели данного наброска с “Капитанской дочкой”, которые являются бесспорными. Мы же хотим указать и на другие, менее очевидные параллели, а также на общую схему. Здесь, помимо “Капитанской дочки” и упомянутой выше поэмы “Анджело”, значим и “Воображаемый разговор с Александром I”. Во всех этих случаях с верховным властителем разговаривает нарушитель (реальный или мнимый) порядка или его представитель. И все эти случаи сопровождаются “переодеванием” (условным или буквальным) или обменом участием. В том числе подлинный царь отказывается (временно, условно или в шутку) от своего царского статуса.

В “Капитанской дочке” Маша встречает императрицу (якобы ею не признанную), которая изображает из себя даму, близкую к императрице. В сюжете существенную роль играет мотив самозванства, так что “подмена” царя реализуется вдвойне — и в серьезном, и в игровом вариантах. В “Анджело” Дук сначала удаляется, оставляя Анджело как своего заместителя на троне. Потом, переодетый монахом, он слышит разговор Изабелы — сестры Клавдио, приговоренного к смерти. По его совету она идет к жене Анджело Марьяне, которая проводит ночь со своим мужем под видом Изабелы, им не признанная. Потом Дук возвращается и вновь берет на себя функции властителя. То есть здесь дважды происходит замена властителя, а также обмен идентичностями жены Анджело и Изабелы. Причем в конце обмен идентичностями отменяется, а нарушенный порядок восстанавливается. В “Разговоре” несколько раз подряд происходит условная мена Пушкина и Александра туда и обратно.

Таким образом, нарушение и восстановление и миропорядка происходит через ряд деидентификаций, которые затрагивают главных героев и (или) властителей, от которых они зависят, и последующего обратного восстановления идентичности.

Мы полагаем, что в этот ряд следует вписать и замысел “Сына казненного стрельца”. Предположение о повторном обмене участием в сюжете (или хотя бы предложении его осуществить) не только следует из логики данного конкретного сюжета, но и вписывается в общую схему. При этом получается, что мотив обратной мены возник бы в произведении (включая предысторию событий) дважды: как в динамике царского статуса (потенциальный отказ от такого статуса — его восстановление), так и в отношениях братьев. Еще раз подчеркнем: то обстоятельство, что, вполне возможно, обмен между ними участием не был бы реализован, ничуть не отменяет значимости этого потенциального сюжетного хода. В этом отношении ситуация напоминает несостоявшуюся утрату царского статуса: хотя до нее дело так и не дошло, наличие такого потенциального (пусть не реализованного) варианта было существенным элементом замысла произведения и его структуры.

Ранее уже отмечалось, что в творчестве Пушкина существует метасюжет “Поэт и царь”, примером которого является “Воображаемый разговор с Александром I” [14]. Мы полагаем, что есть основания выделить ситуацию

“Нарушитель и царь” в качестве еще одного самостоятельного метасюжета. Его общие свойства заслуживают дальнейшего изучения.

Звукосмысловые лейтмотивы

В тексте присутствует еще одно средство, которое скрепляет его в единое целое. Это — звукопись: ПЕТР — ПРУТ — ПРИКАЗЧИК — ВЫПРАШИВАЕТ ПРОЩЕНИЕ — ПРИЕМНЫЙ СЫН. Здесь также присутствует противопоставление: ПРИКАЗЧИК — СЫН КАЗНЕННОГО. В тексте заметки Пушкин над “приказчик” надписал сверху “Сосед?”, так что вполне возможно, что последнее соотношение в беловом тексте пропало бы. Однако не исключено, что именно звуковое родство послужило стимулом для того, чтобы вариант с “приказчиком” все же возник хотя бы в качестве временного.

В контексте наброска отмеченные выше звуковые лейтмотивы приобретают содержательность: один и тот же комплекс варьируется, так что его составляющие в анаграмме переставляются. То есть, с одной стороны, происходит трансформация, переход от одного слова к другому. А с другой — сам этот комплекс остается как нечто инвариантное. Получается, что проблема идентификации, нарушения идентичности и ее восстановления находит иконическое выражение при помощи анаграмматических построений.

Более того, сам факт, что происходят трансформации означающих, является зримым воплощением столь актуальной в произведении проблемы *имени* и вообще означающего (подлинный или ложный царь, свое или чужое имя у сына казненного стрельца). В таком контексте, звукосмысловой комплекс как бы интерпретирует судьбу двух братьев (неродных): один из них лишился ИМЕНИ, а другой — ИМЕНИЯ. К этому добавим, что в анекдоте, записанном у Голикова, посланец Меншикова оговорился, спутав слова “колер” и “калибр”, из-за чего Долгоруков его и назвал глупцом. То есть и здесь проявила себя проблема различения внешне сходного¹.

Параллель с “Арапом Петра Великого” и проблема деидентификации

Наличие в наброске мотива деидентификации позволяет также уточнить природу его

некоторых внетекстовых связей. В литературе обсуждалась параллель данного отрывка с “Арапом Петра Великого”. Согласно наблюдению Д.П. Якубовича, она связана с линией приемыша в обоих произведениях [18, с. 290]. Мы полагаем, что к этой параллели следует добавить еще одну. В “Арапе” происходит подмена сына графини и Ибрагима: черный ребенок заменяется белым. Возможно, в романе этот эпизод оказался бы на периферии сюжета; однако в замысле о сыне казненного стрельца мотив деидентификации, причем связанный с двумя сыновьями (из которых только один — родной), становится ключевым.

Идейная структура и неоднозначность связей

Как заметил М.Г. Альтшуллер, «сын стрельца оказывается вполне вальтерскоттовским героем, способным к восприятию “правды” обеих сторон. Он и верный помощник царя, и преданный друг своего будущего шурина, и заступник своей приемной матери, связанной памятью и сердечными привязанностями с врагами царя, и, наконец, сын, чей отец казнен его нынешним покровителем» [19, с. 124]. Это верное, в общем, замечание нуждается в серьезном дополнении. Специфика положения вещей в пушкинском произведении заключается в том, что не только герой связан с разными сторонами, но и (что, на наш взгляд, важнее) сам *характер его связи с каждой стороной по отдельности является двойным*. Действительно, Петр казнил отца СКС, но в то же время СКС оказался военным соратником Петра и выполнил сложное и ответственное поручение царя, важное для страны. Он обязан вдове, приютившей и воспитавшей его, однако вынужден отдать свой долг таким образом, что это лишает его возможности жениться на ее дочери [3, с. 330]. Сын вдовы по сути является его названным братом, однако это создает для СКС существенные проблемы с женитьбой и (согласно нашей предположительной реконструкции) с его дальнейшей военной карьерой. Герой несколько раз оказывается между полюсов в ситуации, где сделать правильный и достойный выбор совсем непросто.

Даже в действиях доносчика (приказчика или соседа) парадоксальным образом обнаруживается обратная сторона, так как это открывает перед СКС возможность для брака с дочерью вдовы (придется открыться царю, но зато будет шанс восстановить свое подлинное

¹ Развертывание звукосмысловых лейтмотивов, связанных с отдельными ключевыми словами, вообще свойственно прозе Пушкина. Примеры находятся в частности в “Выстреле”, “Метели” (см.: [15], [16]), “Повести из римской жизни” (см.: [17]) и других случаях.

имя, так что не будет опасности, что СКС будет считаться братом своей невесты).

Можно сказать, что в таких трудностях проявила себя все та же проблема (де)идентификации, которая тем самым оказалась значимой не только на уровне персонажей, но и в отношениях внутри каждой пары фиксированных персонажей.

Кроме того, и результаты некоторых действий оказывались неоднозначными. СКС пошел на жертву (включая невозможность брака с дочерью вдовы), отправившись на военную службу вместо СВ. Однако в итоге для СВ получилось только хуже, так как пойти служить все равно пришлось, но только уже не офицером, а солдатом, а также утратилось имение.

Рассмотренные выше такие структурные свойства, как неоднозначность элементов и связей между ними, а также роль мотива деидентификации имеют содержательные следствия в идейной структуре. По сути, Пушкиным предполагался художественный эксперимент, связанный с постановкой вопросов: как человеку сохранить себя в столь сложных и изменяющихся условиях, когда действуют силы, от которых он зависит? До какой степени допустимо отказываться от самого себя во имя блага других и коллектива в целом, и не может ли это приводить к обратному результату? В оценке персонажей проявляет себя неоднозначность, причем в основном это относится к носителям власти — Петру и самой солдатской вдове. Также удваивается библейская схема, на которую накладывается сюжет.

Двойной статус наброска

Проведенный анализ наброска располагает к рефлексии над возможностями исследования неполного или дефектного текста, а также реконструкции сюжета в целом или хотя бы в некоторых важных деталях. Ситуация, которая представляется потенциально благоприятной для такого рода исследований, состоит в том, что 1) текст обладает насыщенной мотивной структурой, 2) он проецируется на универсальную для рассматриваемого типа культуры схему, занимающую в ней высокую степень, 3) между пунктами 1 и 2 существует смысловая связь, 4) архетипический сюжет проявил себя в индивидуальной художественной системе автора в других его произведениях. Именно так и получилось в нашем случае, поскольку в наброске оказался значим сюжет

из Библии, причем вписанный в проблематику (де)идентификации и уже встречавшийся в предшествующем творчестве автора.

Кроме соотношения плана произведения и самого гипотетического (так и не написанного) произведения, существует и другой, дополнительный к этому аспект. Он связан с возможностью рассматривать набросок как самостоятельное произведение. Как заметил сам Пушкин в заметке «<Возражение на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”>», “единый план Ада есть уже плод высокого гения” [20, с. 42]. Возможно, что за этими пушкинскими словами скрывается гораздо более глубокое содержание, чем кажется на первый взгляд, если посмотреть на проблему набросков с типологической точки зрения. Мы видели, что структура рассмотренного в данной статье наброска такова, что он сам во многом реализует свое содержание. Мы полагаем, что имеет смысл выделить тексты такого рода в качестве отдельной типологической категории, промежуточной между завершенными и незавершенными текстами и сочетающей признаки того и другого. Ее составляют произведения, оставленные авторами в виде набросков, где художественная идея с такой степенью полноты воплощена в их художественной структуре, что доведение до полного завершения перестало быть необходимым. В сочетании с недоработанностью текста это может затенять то обстоятельство, что по сути такие наброски могут рассматриваться не только как планы предполагавшихся, но так и не написанных будущих произведений, но и как самостоятельные художественные произведения. Примерами, помимо “Сына казненного стрельца”, могут служить наброски Лермонтова “Я в Тифлисе...” и “Алекс<андр>: у него любовница” (см.: [21], [22]). Здесь требуются дальнейшие исследования по общей поэтике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пушкин А.С.* Полн. собр. сочинений: В 16 т. Т. 8, кн. 1: Романы и повести. Путешествия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978.
3. *Листов В.С.* “Сын казненного стрельца”: неосуществленный замысел Пушкина // *Листов В.С.* Пушкин: Судьба коренного поэта. Большое Болдино; Арзамас: ОГПИ, 2012. С. 309–339.

4. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: “Повести Белкина” и “Пиковая дама”. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 354 с.
5. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. М., 1830. Ч. 1.
6. Голиков И.И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 17. М., 1796.
7. Golstein V. Puškin's *Mozart and Salieri* as a parable // *Russian Literature*. XXIX (1991). P. 155–176.
8. Емельянов В. “Моцарт и Сальери”: близнечный миф в ретроспективе шумерского диалога // Лебедь. Независимый альманах. 2001. № 213 (25.03.2001) (электронный ресурс: <http://www.lebed.com/2001/art2470.htm>).
9. Заславский О.Б. Пушкинский Сальери и тип творчества // *Известия РАН. Серия языка и литературы*. 2001. Т. 60. № 4. С. 23–28.
10. Коджак А. О повести Пушкина “Выстрел” // *Мосты*. Вып. 15. Мюнхен, 1970. С. 190–212.
11. Заславский О.Б. Двойная структура “Выстрела” // *Новое литературное обозрение*. 1997. № 23. С. 122–131.
12. Заславский О.Б. Магический шаблон. О “Станционном смотрителе” А.С. Пушкина // *Wiener Slawistischer Almanach*. 2001. № 48. S. 5–29.
13. Лотман Ю.М. Идейная структура поэмы Пушкина “Анджело” // *Пушкинский сборник*. Псков. 1973. С. 3–23.
14. Калашиников С.Б. “Воображаемый разговор с Александром I” и формирование метасюжета “поэт vs царь” в творчестве А.С. Пушкина 1824–1826 гг. // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: филология. теория языка. языковое образование*. 2019. № 3 (35). С. 24–32.
15. Davydov S. The sound and theme in the prose of A.S. Puškin. A logo-semantic study of paronomasia // *Slavic and East European Journal*. 1983. № 27 (1). P. 1–18.
16. Davydov S. “The Shot” by Aleksandr Pushkin and its Trajectories // *Issues in Russian literature before 1917: Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1989. P. 62–74.
17. Заславский О.Б. Структурный дуализм “Повести из римской жизни” А.С. Пушкина // *Russian Literature*. XXXIV–III (1993). P. 411–423.
18. Якубович Д.П. “Арап Петра Великого” // *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. 9. Л.: Наука, 1979. С. 261–293.
19. Альтиуллер М. План повести о стрелцком сыне и романы В. Скотта // *Проблемы современного пушкиноведения: Сб. статей*. Псков, 1994. С. 112–127.
20. Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: В 16 т. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
21. Заславский О.Б. Художественная структура наброска Лермонтова “Я в Тифлисе...” // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2010. Т. 69. № 3. С. 46–51.
22. Заславский О.Б. Между драмой “Два брата” и романом “Княгиня Лиговская” (об одном лермонтовском наброске) // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2011. Т. 70. № 6. С. 37–43.

REFERENCES

1. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. In 16 Vols. Vol. 8, Book 1. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1948. (In Russ.)
2. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. In 10 Vols. Vol. 6. Leningrad, Nauka Publ., 1978. (In Russ.)
3. Listov, V.S. “*Syn kaznennogo strelca*”: *neosushestvlenyj zamysel Pushkina* [Sun of Executed Streletc: Unrealized Pushkin’s Design]. Listov, V.S. *Pushkin: Sudba korenogo pojeta* [Fate of Native Poet]. Bolshoe Boldino, Arzamas, 2012, pp. 309–339. (In Russ.)
4. Schmidt, W. *Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii*. “*Povesti Belkina*” [Pushkin’s Prose in Poetic Reading. “The Tales of Belkin”]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2013. 354 p. (In Russ.)
5. *Podlinnye anekdoty o Petre Velikom, sobrannye Jakovom Shtelinym* [True Anecdotes Collected by Ya. Shtelin]. Moscow, 1830. Part 1. (In Russ.)
6. Golikov, I.I. *Dopolnenija k Dejanijam Petra Velikogo* [Supplements to Deads of Peter the Great]. Moscow, 1796, Vol. 17. (In Russ.)
7. Golstein, V. *Puškin’s Mozart and Salieri as a parable*. In: *Russian Literature*, XXIX (1991), pp. 155–176.
8. Emeljanov, V. “*Mocart i Salieri*”: *bliznechnyj mif v retrospektive shumerskogo dialoga* [Mozart and Salieri: Twin Myth in Retrospective of Sumerian Dialogue]. *Lebed. Nezavisimyj almanah* [Swan. Independent Almanac]. 2001, No. 213 (25.03.2001) (<http://www.lebed.com/2001/art2470.htm>). (In Russ.)
9. Zaslavskii, O.B. *Pushkinskij Salieri i tip tvorcestva* [Pushkin’s Salieri and Type of Creativity *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences:

- Studies in Literature and Language]. 2001, Vol. 60, No. 4, pp. 23–28. (In Russ.)
10. Kodzhak, A. *O povesti Pushkina "Vystrel"* [On the Pushkin's Tale "The Shot"]. *Mosty* [Bridges]. Vyp. 15. München, 1970, pp. 190–212. (In Russ.)
 11. Zaslavskii, O.B. *Dvoynaya struktura "Vystrela"* [Twofold Structure of "The Shot"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1997, No. 23, pp. 122–131. (In Russ.)
 12. Zaslavskii, O.B. *Magicheskij shablon. O "Stantsionnom smotritеле" A.S. Pushkina* [Magic Pattern. On "Station Master" of A.S. Pushkin]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 2001, Vol. 48, pp. 5–29. (In Russ.)
 13. Lotman, Ju.M. *Idejnaja struktura poemy Pushkina "Andzhelo"* [The Ideological Structure of Pushkin's poem "Angelo"]. *Pushkinskij sbornik* [Pushkin Collection]. Pskov, 1973, pp. 3–23. (In Russ.)
 14. Kalashnikov, S.B. *"Voobrazhaemyj razgovor s Aleksandrom I" i formirovanie metasjuzheta "pojet vs tsar" v tvorchestve A.S. Pushkina 1824–1826 gg.* [Imaginary Conversation with Alexander I and Formation of Metaplot "Poet and Tsar" in A.S. Pushkin's Works of 1824–1826]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogičeskogo universiteta. 2019. Serija: filologija. teorija jazyka. jazykovoe obrazovanie* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Language Series]. 2019, No. 3 (35), pp. 24–32. (In Russ.)
 15. Davydov, S. *The sound and theme in the prose of A.S. Puškin. A logo-semantic study of paranomasia*. In: *Slavic and East European Journal*, 1983, No. 27 (1), pp. 1–18.
 16. Davydov, S. *"The Shot" by Aleksandr Pushkin and its Trajectories*. In: *J.D. Clayton (Ed.). Issues in Russian literature before 1917: Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies*. Columbus, Ohio, Slavica Publishers, 1989, pp. 62–74.
 17. Zaslavskii, O.B. *Strukturnyy dualizm "Povesti iz rimskoy zhizni" A.S. Pushkina* [Structural Dualism of "A Tale of Roman Life" by A.S. Pushkin]. *Russian Literature*, XXXIV–III (1993), pp. 411–423. (In Russ.)
 18. Jakubovich, D.P. *"Arap Petra Velikogo"* [Peter the Great's Arap]. *Pushkin. Issledovanija i materialy* [Pushkin. Studies and Materials]. Vol. 9. Leningrad, 1979, pp. 261–293. (In Russ.)
 19. Altshuller, M. *Plan povesti o streleckom syne i romany V. Skotta* [Plan of the Tale About the Streletc Sun and W. Scott's Novels]. *Problemy sovremennogo pushkinovedenija: Sbornik statej* [Problems of Modern Pushkin Studies: Collection of Work]. Pskov, 1994, pp. 112–127. (In Russ.)
 20. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. In 16 Vols. Vol. 11. *Kritika i publicistika* [Critics and Publicism]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949. (In Russ.)
 21. Zaslavskii, O.B. *Hudozhestvennaja struktura nabroska Lermontova "Ja v Tiflise..."* [Artistic Structure of the Lermontov's Draft "I am in Tiflis..."]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serija literatury i iazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2010, Vol. 69, No. 3, pp. 46–51. (In Russ.)
 22. Zaslavskii, O.B. *Mezhdru dramoj "Dva brata" i romanom "Knjaginja Ligovskaja" (ob odnom lermontovskom nabroske)* [Between Drama "Two Brothers" and the Novel "Princess Ligovskaya" (on one Lermontov's Draft)]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serija literatury i iazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2011, Vol. 70, No. 6, pp. 37–43. (In Russ.)